

Тори Ру

АВГУСТ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, — ВЕЧЕР

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос-Рус)
Р82

Ру, Тори.

Р82 Август, воскресенье, вечер / Т. Ру — М.: / RUGRAM,
2025. — 480 с.

ISBN 978-5-517-13228-4

На протяжении десяти лет Лера была лучшей ученицей и королевой школы, но появление в классе новенького все изменило. На него не действуют ни ее красота, ни уговоры, ни угрозы. Он раздражает и мешает жить. Как далеко Лера сможет зайти в своей ненависти, и ненависть ли это?

BIC FR
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-517-13228-4

© Тори Ру, текст, 2025
© Александра Meytz, обложка, 2025
© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии, 2025

Глава 1

Горячее солнце лезет в глаза и игриво, но назойливо гладит по щеке. Я нашариваю на прикроватной тумбочке телефон, сверяюсь со временем и, выдохнув, снова утопаю затылком в мягкой подушке.

За окном колышутся узловатые ветви яблонь с набухшими зеленоватыми почками, в лоскуте насыщенно-голубого неба парят черные птицы и медленно проплывают кучевые облака. Несмотря на раннее утро и понедельник, по венам курсирует неведомая, бодрящая энергия — новый день просто обязан восстановить мое душевное равновесие, утраченное накануне.

В доме царит тишина, но я все равно мучительно к ней прислушиваюсь и молюсь, чтобы ничто ее не нарушило.

На улице вдруг раздается хриплый, пронзительный крик петуха, и у меня холодеет душа.

— Только тебя, чучело пернатое, нам не хватало!..

— Я вскакиваю и захлопываю раму, но, сколько ни

вглядываюсь в заросшие сухим хмелем завитки соседского забора, разобрать ничего не могу. Прооравшись, невесть откуда взявшийся петух затыкается, дом опять погружается в благостное безмолвие.

Набрасываю халат и на цыпочках крадусь в ванную. Мама спит на диване в гостиной — скомканный плед наполовину сполз и почти скрыл из виду бумажные пакеты с логотипами дорогих магазинов, горкой сваленные на полу.

Из родительской спальни доносится раскатистый храп и смрад перегара — вчера вернулся отец, он пробудет у нас до самого вечера, — и вся моя беззаботность вмиг улетучивается.

Забрав пару пакетов, я осторожно закрываюсь на защелку, тонкой струйкой пускаю теплую воду, умываю заплаканное лицо и, задумчиво уставившись в зеркало, долго-долго чищу зубы и расчесываю волнистую каштановую шевелюру.

Подарки отца — фиолетовый свитер из кашемира и темно-зеленая клетчатая юбка — садятся как влитые, но, если бы мне дали возможность выбирать, я бы купила для себя что-то другое. А их бы и вовсе не приняла.

На ходу запихав в рот бутерброд с сыром и колбасой, влезаю в пальто и ботильоны и, подхватив сумку, выбираюсь на теплый, пахнущий талой водой апрельский воздух.

У калитки ждет верный Илюха — помятый и всклокоченный, ветровка расстегнута, левый рукав вымазан

Август, воскресенье, вечер

в грязи. Он жует жвачку и болезненно морщится от солнца, но, заведя меня, застывает с открытым ртом, краснеет как рак и бубнит:

— Привет, Ходорова! Ты как всегда... сногшибательна.

Обхожу отцовский джип, припаркованный прямо на вымощенной камнем дорожке, и тяжело вздыхаю:

— Спасибо, Рюмин! К сожалению, о тебе того же сказать не могу.

— Да уж... Допоздна помогал дядьке в гараже, потом с пацанами посидели. А потом этим лохам с хутора нормально так навешали. Чтоб боялись! — Илюха плюет на грязное пятно, пробует его оттереть и тут же настораживается: — Лер, зацени-ка, там кто-то живность завел. Неужто Брунгильде полегчало?

Проследив за его взглядом, я становлюсь на цыпочки и снова всматриваюсь в глубины соседского двора, но, кроме полоумного петуха и пары кур, никого не нахожу.

— Да непохоже... Может, это сиделка постаралась?

Илюха пожимает плечами и трогается с места. До первого урока остается пятнадцать минут, и мы ускоряем шаг.

Он достает телефон, наводит на меня камеру и засыпает дурацкими, каверзными и смешными вопросами. Он вечно все снимает — «ведет свою летопись» — и собирается когда-нибудь смонтировать полноценный фильм о нашей жизни.

Я отвечаю ему в тон и звонко хохочу, и близняшки из девятого с завистью и ужасом оглядываются.

Несмотря на глубоко посаженные глаза, мелкие темные кудряшки и склонность к полноте в детстве, Рюмин считается первым парнем в поселке Сосновое — он веселый, отмороженный и без лишних раздумий пускает в ход кулаки. По нему сохнут девчонки со всей округи, однако меня с ним связывает крепкая, проверенная временем дружба.

За выходные снег окончательно растаял, теплый ветер треплет волосы, взвивается ввысь и бьется в кронах вековых сосен. В домах вдоль центральной улицы кипит жизнь: хозяйки начищают окна, звучат хиты попсовой радиостанции, гремят цепями дворовые собаки, плачут дети, не желая собираться в детский сад.

Впереди белеют стены православной церкви, а рядом с ней притулилась наша ветхая кирпичная двухэтажная школа.

Время в Сосновом будто не движется, здесь никогда ничего не случается и не меняется — однако событие, выходящее из ряда вон, две недели назад все же произошло. Нашу директрису Анну Игнатовну, ту самую Брунгильду, энергичную и еще не старую, прямо на рабочем месте разбил инсульт — теперь она лежит дома парализованная, и дважды в день к ней приезжает соцработник из Задонска. Поговаривают, что дела у Брунгильды плохи, к работе она уже не вернется,

Август, воскресенье, вечер

значит, в следующем году из районного бюджета не выделят средства на школьный ремонт.

Становится невыносимо грустно: неужели построенная в позапрошлом веке школа, как и Брунгильда, доживает последние деньки?.. Больше никто о ней не позаботится, и после нашего выпуска ее точно закроют, а немногочисленных сосновских учеников переведут все в тот же Задонск — наш райцентр.

— Да, жалко Брунгильду... — шмыгает носом Илюха и глухо цедит сквозь зубы: — А Маринушка, дочура ее, и правда с гнильцой — бросила беспомощную мать в беде. Хотя... Лучше пусть эта шалава сюда не суется. Рады ей не будем.

Когда-то давно, в далекой юности, Марина чуть не увела из семьи Илюхиного отца. Слухи до сих пор змеями ползают по округе, но я в них не вникаю — даже если что-то и было, это уже не имеет значения. Про нас тоже многое сочиняют.

— Так она же где-то в Москве живет, Илюх. Да и отца твоего давно нет на этом свете.

— И хорошо, что в Москве. Иначе я бы всей ее семейке устроил «дольче виту».

— Рюмин, Ходорова, здорово! — Нас нагоняют Ринат Аитов и Владик Рошин, радостно скалятся и затягиваются сигаретами, и я, степенно кивнув им, спешу к поросшему мхом крыльцу.

— Лера, доброе утро! — Завидев меня, девчонки бледнеют, перестают чесать языками и благоговейно улыбаются — я прекрасно знаю, как они на самом деле ко мне относятся, но мой статус незыблем. Я работала на него девять гребанных лет и теперь имею полное право почивать на лаврах. Так что девочкам тоже хватает снисходительного кивка.

— Лера-холера! — орет выросший откуда-то из-под земли конопатый первоклашка, и я злобно шиплю:

— Потеряйся, убогий.

Илюха тут же хватается его за красное ухо и с хрустом выкручивает.

— Че ты сказал, шкет? А ну извинился! Быстро! Косарь с тебя завтра, в это же время, понял? Кому-нибудь пикнешь — завалю.

Мелкий ноет, послушно просит прощения и, накрыв пострадавшее ухо ладошкой, отбегает на безопасное расстояние. А зазевавшуюся в проеме лохушку Ингу я сама со всей мочи дергаю за патлы и сметаю с пути решительным тычком в ребра.

Нужный градус страха поддержан, школьная жизнь продолжается своим чередом. И пусть однообразие иногда вызывает желание взвыть, оно же успокаивает и обнадеживает.

Я сажусь за третью парту в первом ряду, выуживаю из сумки учебник и, полистав, нахожу заданный параграф.

Звенит охрипший звонок, грохот стульев и крики учеников смолкают — только ошалевшая муха жужжит

Август, воскресенье, вечер

между пыльными рамами да математик с упорством ма-
ньяка скребет мелом по доске.

Бесшумно раскрывается дверь, и в кабинет торже-
ственно вступает наша классная, за ней следом ввали-
вается высокий русоволосый парень в черном костюме с
иглолки и кипенно-белой рубашке. Уставившись в пол,
он смиренно замирает за плечом Раисы Вячеславовны, и
душное помещение заполняет шепот и гул голосов. Гря-
нула сенсация местного значения: в конце учебного года
к нам определили новенького!..

Впервые за все десять лет.

Я стараюсь не показывать интереса, да новенький его
и не вызывает — обычный напряженный ботан в скучных
шмотках и со спортивным рюкзаком.

Разочарованно усмехаюсь и барабаню длинными
ногтями по столу, но парень вдруг поднимает голову и
враждебно пялится.

Я заглядываю в его темные, будто совсем без радужки,
глаза и обжигаюсь об осознание: а он неплох... Нет, он
обезоруживающе, убийственно красивый. Дерганный.
Сложный. Нездешний. Другой...

— Знакомьтесь: Волков Ваня! — представляет его
Раиса, натягивает самую широченную из улыбок и с на-
жимом продолжает: — Надеюсь, вы с ним подружитесь,
дорогие ребята!

Тори Ру

Глава 2

Главная в школе — я, и интерес пришельца должен достаться именно мне, но новенький быстро проходит на галерку второго ряда, садится возле лузерши Инги Бобковой и всем своим видом показывает, что не намерен трепаться и заводить здесь друзей.

Занятия тянутся до безобразия долго. В голове гудит, мысли то растекаются густым киселем, то пускаются в бодрый галоп. Мне нужно постоянно держать новенького в поле зрения и наблюдать за сдержанными плавными жестами и уставшим бледным лицом.

Этот Волков и вправду изрядно напоминает чистенького отличника, но ровно до тех пор, пока не вперяет в человека черный, жуткий, неподвижный взгляд. Из него тут же лезут сломленность, глухая ярость и темная притягательность — такая мощная, что я впадаю в шок, а следом — в уныние. Впрочем, я такая не одна — смятение на лицах девчонок непередаваемо.

Но унывать мне никак нельзя — слабость вожака считается стаей на уровне инстинктов, поэтому я, обворожительно и дерзко улыбаясь, на каждом уроке поднимаю руку, плавно покачивая бедрами, проплываю по ряду, уверенно отвечаю у доски и получаю заслуженные пятерки.

